

РОЖДЕНИЕ МИФА: НАЧАЛО ПЕРВЫХ «ВЕЛИКИХ ДЕБАТОВ» В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.А. Алексеева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр.Вернадского, 76.

.....
Из учебника в учебник кочует рассказ о трёх (реже- четырёх) «Великих дебатах», сформировавшими каноническую историю теории международных отношений. Реальность была существенно сложнее, а теоретическое богатство многократно шире повторяющихся антиномичных пар – реализм vs. идеализм, традиционализм vs. модернизм, рационализм vs. рефлексивизм. В статье рассматриваются дискуссии между представителями разных течений политической мысли в предвоенный период, позднее названных Первыми «Великими дебатами», по мнению автора статьи, носившими предпарадигмальный характер.
.....

Ключевые слова: теория международных отношений, идеализм, реализм, сила, Лига наций.

«Человек, не знающий истории, не знает ничего. Это все равно, что лист, не знающий, что он является частью дерева».
Майкл Крайтон. Стрела времени.

Философы размышляли о правилах и принципах поведения государств и народов за пределами границ их расселения еще со времен Античности, но теория международных отношений как отдельная наука, безусловно, продукт XX в.

Датой рождения теории международных отношений считается 1919 г. Именно тогда была создана первая Кафедра международных отношений, «Кафедра Вудро Вильсона», в университете Абериствит (Aberystwyth) в Уэльсе, Великобритания. Идея создания Кафедры, также как и первый щедрый взнос в эндаумент университета с этой целью принадлежала барону Дэвиду Дэвису, внуку крупного фабриканта, политику-либералу, публицисту, экономисту, имя которого незаслуженно забыто большинством профессионалов-международников. Но его хорошо помнят в университете Абериствит. Позднее там была даже воздвигнута статуя в его честь, и создан Мемориальный институт международных исследований. Кафедра задумывалась Дэвисом как своего рода памятник студентам, убитым и искалеченным на фронтах Первой мировой войны, а также центр по продвижению теорий стабильного мира и предотвращения войн.

Дэвис искренне верил в возможность «конца всех войн» и установление прочного мира с помощью учреждения международных организаций, в частности, Лиги наций. Поэтому основной целью новой кафедры стало изучение причин возникновения войн и установления стабильного миропорядка. Благодаря учреждению кафедры, теория международных отношений, сегодня занимающая важное место в программах чуть ли не всех ведущих мировых университетов, была впервые институционализирована в качестве науки и академической дисциплины. «Теория международных отношений родилась из озабоченности, – пишет известный австралийский международник Кристиан Ройс-Смит. – Едва оправившись от травмы Первой мировой войны, те, кто объединились под знаменами дисциплины боролись за то, чтобы соединить дуальные императивы понимания основной динамики международной политики и одновременно стремясь реформировать международную систему – это была область, расположенная на пересечении эмпирического и нормативного» [15, с. 573]. Но именно пересечение нормативного и эмпирического и стало сквозной идеей всех дебатов по международным вопросам в течение последующего столетия.

Первые «Великие дебаты»

Теория международных отношений обычно описывается через серию так называемых

«Великих дебатов» между двумя или, в более поздний период, несколькими группами ученых. Конституирующий принцип «Великих дебатов» заключается в противопоставлении взглядов конкурирующих между собой теоретических лагерей, что позволяет выявить точки несогласия и, соответственно, наметить ключевые темы, осмысление которых оказывается приоритетным на данном историческом этапе. В научной литературе обычно говорится о трёх (реже – четырёх) Великих дебатах [16, с. 313].

Несмотря на определенное удобство конструкции «Великих дебатов», рассматривая историю ТМО через их призму, мы делаем изрядное допущение. Дело в том, что со временем сложилась каноническая история ТМО, окутанная мифологической аурой. Иными словами, этот подход, постоянно воспроизводимый в бесчисленных учебниках и хрестоматиях, издаваемых по всему миру, является важнейшей частью ортодоксального видения теории международных отношений как дисциплины. Такая история обязательно упрощает многокрасочную теоретическую картину, что, возможно, облегчает её восприятие при обучении, представляя весь процесс как серию «Великих дебатов», сначала между политическими реалистами и идеалистами, потом между традиционалистами и модернистами, и, наконец, между рационалистами и рефлексивистами. В то же время он примитивизирует и упрощает ход становления и развития науки. На самом деле, все было существенно сложнее и параллельно участникам дебатов работали (и весьма успешно), представители марксистской, постмарксистской, социал-демократической, консервативной, постмодернистской, феминистской и т.д. мысли, влияние которой было также весьма велико, но оно как бы «исчезает» из восприятия студента, крайне примитивизируя область теоретического исследования международных отношений как таковую.

Как показала дискуссия, развернувшаяся вокруг этой конструкции в западном академическом сообществе в последние годы, идея о трёх последовательных «Великих дебатах», оформившая рамки проблемного поля ТМО, была выдвинута только в 1980-е гг. В основе этой идеи лежало стремление каким-то образом очертить теоретические контуры постоянно разветвляющейся дисциплины [14, с. 101]. Отсюда – появление идеи межпарадигмальных дебатов между тремя парадигмами: реализмом, либерализмом и структурализмом. Это стало точкой обратного отсчета: в нескольких публикациях начала 1980-х гг. была выдвинута идея о том, что таким дебатам между тремя парадигмами, предшествовали два других этапа, когда спор шёл каждый раз между двумя парадигмами [3; 4; 7; 11]. Иными словами, Великие дебаты рассматриваются в ретроспективе, а не в исторической последовательности.

■ **Мировая политика**

Третьи Великие дебаты 1980-е гг.	Политический реализм	Либерализм	Структурализм
Вторые Великие дебаты	Традиционализм		Модернизм
Первые Великие дебаты	Политический реализм		Политический идеализм

Обычно забывают также, что многие аспекты дискуссии о природе теории международных отношений опираются на дискуссии в философии науки.

Соответственно, например, Первые дебаты обычно представляются в учебниках как свидетельство смены идеалистской парадигмы реалистской, хотя само понятие парадигмы появилось только в 1962 г. благодаря знаменитой книге Томаса Куна «Структура научных революций» [1]. Как представляется, целесообразнее говорить о двух широких течениях, более или менее объединенных некоторыми общими идеями и концептами и расходящимися по поводу ряда актуальных вопросов во многом продолжавшими довоенные споры в политической философии., в частности, споры о соотношении нормативного и эмпирического.

Первые дебаты, как считается, имели место в 1930-1950-е гг. между политическим реализмом и политическим идеализмом. Дебаты вращались вокруг вопроса: возможен ли в принципе, и до какой степени мирный прогресс в отношениях между государствами? Поскольку действия государств на международной сцене полностью отвечают известной формуле политики американского политолога Гарольда Лассуэлла «кто что получает, когда и как» [10, с. 13], то тогда возникает вопрос, существует ли какая-либо специфика во внешней сфере и возможно ли выстроить её на основании известного со времен Адама Смита принципа «гармонии интересов»?

После окончания Первой мировой войны на волне эйфории после победы Антанты и учреждения Лиги наций, развивая традиции либерализма и пацифизма XIX в., в самом деле, сформировалась весьма разнообразное и даже разновекторное направление политического мышления, получившая название «идеализма (утопизма)».

Как известно, понятие «идеализм» происходит от греческого слова «idea» — образ, идея. Речь идет о доктрине, в основе которой лежит некий идеал. Альтернативой является материализм, делающий акцент на фактическом, механистическом, чувственном, реальном. Идеал же, как правило, содержит оценку происходящих событий и явлений, он нормативен, говорит о должном, делает акцент на ценностях; телеологичен, т.е. направлен на определенную цель. Он обычно многозначен, неточен, расплывчат и обретает конкретную форму только в идеологии.

Идеалистам были присущи следующие основные идеи: во-первых, устройство современной мировой политики неадекватно высшим моральным целям; во-вторых, человечеству вполне по силам изменить ситуацию к лучшему, но это потребует серьёзных мер, возможно, радикальных. Благодаря таким мерам, со временем

мир станет лучше, и, в конце концов, «безопаснее для демократии». Стремясь создать «новый смелый мир», идеалисты руководствовались скорее человеческими склонностями, чем анализом реальной ситуации. Опираясь на опыт Первой мировой войны, они вынашивали надежду на то, что в будущем удастся избежать войн вообще. Будучи уверенными, что человеческий разум, в конечном счете, восторжествует, сторонники этого взгляда верили, что международные институты, такие как Лига наций, гарантируют, что будущее международное сообщество сможет коллективно накладывать санкции по отношению к агрессии со стороны любого государства. Тем самым удастся предотвратить войны и утвердить сотрудничество между государствами и народами, способствующее дальнейшему прогрессу человечества. Отсюда, характерная для либерального интернационализма первой половины XX в. вера в прогресс, в то, что благодаря разуму, мужеству, воображению и целеустремленности возможно построить лучший мир [17, с. 10]. То есть представители идеализма исходили из того, что недостатки международной системы могут быть исправлены благодаря выявлению лежащих в их основе причин.

Идеалисты рассматривали исторический процесс как неизбежно однонаправленный, движущей силой которого является индустриализация в эпоху Модерна. Некоторые из них, например, уже упоминавшийся нами Дэвид Дэвис, выделяли «моменты» напряжения, существующее между экономической интеграцией и политической фрагментацией, между силами, высвобожденными промышленной революцией и Великой Французской революцией XVIII в. и т.д. [13]. Именно вследствие этих напряжений и высвобождаются силы, способствующие прогрессивному развитию.

Многозначность идеализма – во многом следствие отсутствия согласия в отношении его онтологии. Часто он рассматривается как подход к внешней политике, фаза в развитии международно-политической мысли, «идеальный тип» в духе Макса Вебера, и т.д. Отсюда «открытость» идеализма для почти всякого мыслителя, готового поверить в лучшее будущее для человечества.

Довольно грубо, в межвоенном либеральном интернационализме выделяют три основных течения: во-первых, это утопический идеализм, ставящий во главу угла веру в мирный прогресс; во-вторых, гоббсионизм (либералы-последователи Томаса Гоббса); и, наконец, в-третьих, сторонники английского политического мыслителя Ричарда Кобдена, выступавшего в XIX в. с позиций пацифизма за сокращение вооружений и международный арбитраж как способ обеспечения мира, а также гармонию между трудящимися и предпринимателями.

Хотя логически можно провести определённые границы между этими тремя потоками, в реальности они взаимно пересекались, а их различия проявлялись, главным образом, при обсуждении конкретных международных вопросов и были обусловлены обстоятельствами. Так, А. Циммерн, Н. Анджел и другие приверженцы первого направления выступали с либеральных, прогрессистских позиций, поддерживали Лигу наций и т.д. Гоббсенианцы выходили на первый план в периоды международных кризисов. А сторонники Кобдена чаще обсуждали экономические проблемы, критикуя принцип свободной торговли и «открытых дверей», которые исповедовала Лига наций. Подчеркнем еще раз, что эти три течения не были частью тщательно и точно сконструированной внешнеполитической идеологии или теории, это были скорее дискурсивные стратегии, заявляющие о себе в процессе обсуждения проблем мира и деятельности Лиги наций.

За «утопистской» стадией дисциплины последовала более «реалистическая» фаза как реакция на международные события, начиная от японского вторжения в Маньчжурию, и кончая кризисом Лиги наций и началом Второй мировой войны. Реалисты, в отличие от идеалистов, исходили из политики силы: в анархическом мире без какого-то единого центра принятия решений и контроля, каждое государство должно самостоятельно заботиться о собственной безопасности, прежде всего наращивая собственную силу. Всякие надежды на международные организации представлялись им утопическими. Неспособность Лиги наций как инструмента обеспечения международного мира предотвратить Вторую мировую войну, как позднее доказывали реалисты, подтвердили их правоту.

Для идеалистов, в свою очередь, реалисты представлялись консерваторами, пессимистами и «пораженцами». Это, как они считали, идеология тех, кто получает выгоду от несправедливого устройства, кто находит утешение в том, что все становится хуже и хуже «в этом самом худшем из миров», и у кого не хватает моральной силы для того, чтобы бороться за правду и справедливость. Более того, они считали реализм своего рода «дипломатической ортодоксией» с присутствующим ей понятийным аппаратом – международной анархией, государственным суверенитетом, неизбежной войной, балансом сил и т.д., а отнюдь не теорией.

В последнее время появилась группа историков, которые на основании новых исторических исследований поставили под вопрос сам факт Первых дебатов (1930-1940-е гг.) [8]. Они выдвинули ряд противоречащих друг другу утверждений. Во-первых, в теории международных отношений, по их мнению, идеалисты никогда не доминировали. Многие из тех, кого однозначно в литературе считают идеалистами, в том числе, Норман Анджел или Альфред Циммерн, отличались большей утонченностью, сложностью

и их идеи часто противоречили карикатурным изображениям идеалистов в литературе об истории международных отношений межвоенного периода [9]. Во-вторых, по мнению некоторых историков, в конце 1930-и 1940-х гг. вообще не было значимого интеллектуального обмена между идеалистами и самопровозглашенными «реалистами». Так, они утверждают, что ТМО как новая дисциплина оставалась гетерогенной и продолжала включать многих теоретиков либерального толка [9]. В-третьих, хотя с педагогической точки зрения, «положение о Первых дебатах не лишено ценности..., как исторический факт оно уводит в сторону» [8, с. 16]. Но, к сожалению, не могу полностью согласиться с представленными аргументами. Теория международных отношений по определению гетерогенна. Но можно признать, что ни либералы, ни реалисты, в самом деле, не были карикатурой на будущие учебники – их отличала сложность и даже изысканность аргументации, привлечение идей из других течений политической мысли, и, наконец, умение отстаивать свою точку зрения, опираясь на колоссальный интеллектуальный багаж всей истории политических учений.

Другое дело, что труды первых идеалистов межвоенного периода отличались «продолжающимся, ясно проявляющимся или скрытым диалогом с позицией, которая позднее будет названа Реализмом» [12, с. 415].

Более убедительной представляется точка зрения, в соответствии с которой, даже если Первые дебаты и создали рамки ТМО, то это, в самом деле, произошло не ранее 1939 г.

Эдвард Халетт Карр: утопист силы

Во многих современных учебниках по теории международных отношений имя Эдварда Х. Карра, если и упоминается, то только в контексте его критики со стороны ставшего впоследствии знаменитым, в немалой степени, кстати говоря, благодаря полемике с ним, Ганса Моргентау, назвавшим Карра «утопистом силы», а его взгляды как минимум неинтересными для международных. Между тем, это крайне несправедливо. Эдвард Карр был не просто крупнейшим британским историком, признанным классиком английской советологии, но тем человеком, который, по существу, заложил фундамент будущего политического реализма как вполне определенной теоретической позиции.

Эдвард Карр родился в Лондоне, получил образование в знаменитом Тринити-колледж, в Кембриджском университете. Двадцать лет – с 1916 по 1936 г. находился на дипломатической службе. В 1919 г. в качестве члена британской делегации он участвовал в Парижской мирной конференции, позднее также осуществлял контакты с Лигой наций. Работая в Британской миссии в Латвии (в Риге) в 1920-х гг., он заинтересовался историей СССР, и вообще русской культурой и историей. Позднее написал биографии Достоевского, Бакунина, а также, пытаясь

■ Мировая политика

разобраться в происходящем в СССР - Карла Маркса. Особенный интерес у него вызывал Лев Троцкий как мыслитель и политическая фигура. В 1927 и 1937 гг. году он посещал Москву.

Интерес с науке становился у Карра все более глубоким и, наконец, в 1936 г. он ушёл с дипломатической службы в ранге первого секретаря, решив полностью посвятить себя научно-преподавательской деятельности. Неудивительно, что он начал свою университетскую карьеру в университет Абериствита (стал там четвёртым по счёту профессором Кафедры международных отношений), а позднее также в Тринити-колледже в Кембридже, покинул Аберуисвит вследствие разногласий с Д. Дэвисом. Кстати говоря, именно на кафедре университета в Аберсвите по существу и начались Первые дебаты, характерно, что два профессора Кафедры – Альфред Циммерн и Эдвард Карр представляли два полюса дискуссионного спектра по проблеме Лиги наций и послевоенного мирного устройства.

Во время войны с 1940 по 1946 г. Карр был заместителем главного редактора наиболее влиятельной консервативной британской газеты «Таймс». Командор ордена Британской империи. Карр автор множества статей и книг, но мировую славу ему принесло фундаментальное 14-томное исследование «История Советской России», над которой он работал свыше тридцати лет (до 1978 г.). Широкою известность получила также его книга «Что такое история?» (1961 г.).

Как международник, он обрел известность благодаря другой своей книге – «Двадцатилетний кризис: 1919-1939. Введение в изучение международных отношений», впервые изданной в июле 1939 года [6]. Это был один из первых реалистских текстов, написанных в традиции политической философии Фукидида, Н. Макиавелли и Т. Гоббса и других мыслителей, которых политические реалисты позднее назовут в качестве своих предтеч.

Именно Карр разделил всех теоретиков международных отношений на две большие группы: реалистов и утопистов. В число идеалистов он включил группу пацифистов, моралистов и легалистов, которые направляли фокус своих исследований скорее на реформирование, нежели на анализ жёстких реалий международных отношений. Кстати, в создании такого образа идеалистов Карр принял непосредственное участие. На одной из первых страниц своей книги он указал, что, благодаря им, область исследований «находилась на начальной стадии, на которой желание превалировало над мышлением, обобщение над наблюдением, и ... было мало попыток критического анализа существующих фактов или доступных средств» [6, с. 8]. В то же время, он охарактеризовал идеализм как всеобъемлющую веру в разум и прогресс, подчеркнул присущее ему чувство моральной ответственности и веру в гармонию интересов. По мнению последующих критиков, например, одного из важнейших представителей так называемой Английской школы,

Карр недооценил присущую идеализму либеральную веру в прогресс [5].

Вспоминая собственное разочарование в деятельности Лиги наций, не сумевшей предотвратить и урегулировать международные конфликты, Карр подверг «идеалистов (утопистов)», включая Альфреда Циммерна, но в особенности Нормана Анджела- автора знаменитой книги «Великие иллюзии, резкой критике. Хотя Карр написал свою книгу в ответ на работу А. Циммерна, его главным оппонентом на страницах монографии был представлен Норман Анджел.

В работе «Великая иллюзия» (1910) писал, что интеграция экономик европейских государств достигла такой степени, что война между ними была бы совершенно бесполезной, делая милитаризм устаревшим. Богатство в экономическом цивилизованном мире основывается на кредите и коммерческих контрактах как следствие экономической взаимозависимости, растущей благодаря все большему разделению труда и развивающимся коммуникациям. Если же система кредитов и коммерческих контрактов останавливается, вследствие попыток конфискации, богатство подрывается и его коллапс неизбежно затронет также и завоевателя. Поэтому при завоевании другой страны необходимо уважать право собственности противника, то есть собственность должна оставаться в руках населения завоёванной территории. В противном случае это удар по завоевателю. Тем самым он разоблачал миф о возможности экономического процветания в результате войны. Анджел искренне верил в возможность конструирования мирной международной структуры вокруг Лиги наций. Иными словами, Анджел стоял на позициях рационального эмпиризма и моральной внешней политики, в основе которой должен лежать общий интерес. Карр с этим не согласился.

Карр не принял также утверждения Анджела о том, что события 1939 г. были результатом заговора клики заговорщиков, ни с точкой зрения знаменитого английского историка Арнольда Тойнби, считавшего, что мы живем « в исключительно дикое время». Он рассматривал события межвоенного периода как следствие структурных политико-экономических проблем, которые превосходят значение деятельности отдельных национальных лидеров.

Карр опроверг теорию баланса сил, полагая, что международные отношения – это следствие борьбы между экономически привилегированными «имущими» странами (США, Франция, Англия), и бедными в экономическом отношении «неимущими» странами (Германия, Италия, Япония), склонными к войне, поскольку им нечего терять. В какой-то степени это утверждение даже перекликалось с идеей лидера итальянских фашистов Бенито Муссолини о естественном конфликте между «пролетарскими» (Италия) и «плутократическими» (Англия) государствами. При этом, идеологические различия между

демократией и фашизмом, полагал Карр, не существенны, тем самым заложив основу будущей метафоры политических реалистов о государствах-бильярдных шарах, которые на зелёном поле невозможно отличить друг от друга, т.е. все государства, в том что касается международных отношений, в сущности идентичны.

Карр, подобно многим другим международникам того времени на Западе, неверно понял лозунг Гитлера о «жизненном пространстве» (Lebensraum), полагая, что речь идёт о восстановлении зоны германского влияния исключительно в Восточной Европе. Агрессивность фашизма была, по его мнению, просто циничной реакцией на пустое морализаторство «имущих» государств, не готовых пойти на какие-либо уступки в отношении поверженной Германии (которую, как известно, признали единственной страной, ответственной за развязывание Первой мировой войны и, на которую были наложены чудовищные по своим размерам репарации, не говоря уже о других формах унижения со стороны Западных держав). Поэтому, по моральным и практическим соображениям авторы и исполнители Версальского договора в условиях международной напряженности 1939 г. оказались неспособными пойти на необходимые уступки и пересмотреть их в соответствии с требованиями времени – прямая поддержка политики «умиротворения» нацистской Германии! Неудивительно, поэтому, что Карр поддержал «Мюнхенский стовор» как неизбежное признание изменений в балансе сил.

Карр подчеркнул значение военной, экономической, идеологической и правовой силы, противопоставив её утопизму тех, кто забыл о необходимости самосохранения (выживания) государств и роли конкуренции между ними. По его мнению, международный порядок, установленный в 1919 г. – это комбинация стиля капитализма свободного предпринимательства (laissez-faire) в духе XIX в. и национализма, порожденного принципом национального самоопределения, приведшая к установлению крайне ущербного мирного урегулирования, и, как следствие, крайне опасного мира.

Он полагал также, что в реализме не находится места для морального измерения, то что успешно – правильно, а неуспешно – ошибка. Поэтому реализм не занимается морализаторством в отношении прошлого, настоящего или будущего. Всемирная история и есть высший судья.

Но это не означает, что человечество неисправимо. В конце работы он обратился к проблеме морали в международных отношениях, подчеркнув, что реализм без морали может привести к последствиям, которые вряд ли мы, люди, можем себе позволить. В то же время он выступил против претензии идеализма на моральный универсализм и его идею гармонии интересов. Он прямо писал о том, что мораль – всегда «относительна» (релятивна), а отнюдь

не универсальна, а доктрина гармонии интересов придумана привилегированными группами ради того, чтобы «узаконить и поддержать свою позицию доминирования» [6, с. 19, 75].

Концепция релятивности мысли, которую он прослеживал вплоть до Маркса и других теоретиков, всегда является продуктом обстоятельств и интересов. Его центральная идея заключается в том, что интересы данной партии всегда детерминируют то, что данная партия рассматривает как моральные принципы и, следовательно, эти принципы не универсальны. Карр подчеркивал, что политики часто говорят о справедливости для того, чтобы скрыть конкретные интересы своих стран, или создают негативные образы других народов для того, чтобы узаконить агрессию. В данном случае речь идёт о попытках дискредитировать потенциального противника и морально узаконить собственную позицию – идеи морали вытекают из реальной политики. Политика никогда не базируется на универсальных нормах, независимо от интересов от участвующих сторон. Он полагал, что не существует ни универсальных ценностей, ни универсальных интересов. Те, кто ратуют за универсальные интересы, на самом деле, действуют исключительно в собственных интересах – то, что хорошо для них самих, хорошо для каждого [6, с. 71]. «Подобно тому, как правящий класс в сообществе молится за мир внутри, поскольку он гарантирует его собственную безопасность и доминирование..., так и международный мир становится специально признанным интересом доминирующих государств [6, с. 76]». А неудовлетворённые государства рассматривают такое устройство как несправедливое, и готовятся к войне. Идеалистская концепция гармонии интересов строится на основе идеи о том, что люди могут рационально признать, что у них есть общие интересы, что делает сотрудничество возможным. Он противопоставил этому реальный конфликт интересов. Мир разрывается на части специфические интересы разных индивидов и групп.

В такой конфликтной среде порядок строится на силе, а не на морали. Более того, сама мораль есть продукт силы [6, с. 61]. Подобно Томасу Гоббсу, Карр рассматривает мораль как сконструированную конкретной легальной системой, вводимой в действие благодаря принудительной силе. Международные моральные нормы накладываются на другие страны доминирующими государствами или группами государств, которые представляют себя в качестве всего мирового сообщества. Они изобретаются для того, чтобы поддерживать доминирование этих государств.

Следовательно, для того, чтобы обрести мир, если он не может быть просто навязан, следует удовлетворить неудовлетворенные государства. «Те, кто получают максимальную выгоду из (международного – Т.А.) порядка могут в длительной перспективе только надеяться на его

■ Мировая политика

сохранение, только делая существенные уступки для того, чтобы сделать его терпимым для тех, кто получает наименьшую выгоду [6, с. 152]». В международной обстановке 1939 г. это звучало почти как призыв к политике «умиротворения» Германии.

Карр – тонкий мыслитель. Он признал, что логика «чистого реализма» не может предложить ничего, кроме голой борьбы за силу, что делает любой тип международного сообщества невозможным [6, с. 87]. Отвергая «нынешнюю утопию» идеализма, он в то же самое время пытался построить «новую утопию» реалистского мирового порядка [6]. Тем самым, он признавал, вопреки собственным утверждениям, что люди нуждаются в фундаментальных, универсально признанных нормах и ценностях. Кроме того, тот факт, что язык универсальных моральных ценностей может быть неверно использован в политике ради выгоды одной из партий, и что такие ценности могут быть дурно воплощены в политических институтах, вовсе не означает, что такие ценности вообще не существуют. В той же книге Карр предложил рассматривать оппозицию между реализмом и идеализмом как диалектический процесс, в конце концов, допустив даже их возможный синтез. Реализму нужна эмоционально привлекательная собственная утопическая цель. Тем самым Карр пытался создать теорию международных отношений, в которой смешался бы реализм и утопизм. Многие люди, привилегированные и не очень, вынужден признать Карр, испытывают глубинную потребность в мире, порядке, процветании и справедливости. Легитимность идеализма состоит в постоянных попытках рефлексировать и придерживаться этих ценностей. Но идеалисты оказываются неубедительными, если в этих попытках они не уделяют достаточного внимания реальности силы. В то же время, он понимал, что в мире чистого реализма все ценности становятся относительными и подчиняются национальным интересам, жизнь превращается в игру сил и, поэтому, невыносима.

В «Двадцатилетнем кризисе» Карр затронул целый ряд универсальных идей, но книга также была отражением духа того времени. Если мы можем обвинить межвоенных идеалистов в том, что они не сумели создать достаточно прочные международные институты, способные предотвратить начало Второй мировой войны, книга Карра указывает на то, что реалисты того времени были также не готовы дать ответ этому вызову. Главная идея Карра – в мирном урегулировании в качестве точки отсчета следует признать, прежде всего, баланс сил. Что же касается, как он выразился, «элегантных сверхструктур» типа Лиги наций, то они должны подождать, пока для них не будет воздвигнут надлежащий фундамент.

Могли ли идеалисты оставить без ответа такую жёсткую критику? Разумеется, нет. И, вот, Анджел пишет книгу под названием «Почему свобода имеет значение», в которой называет

утверждения Карра моральным нигилизмом, а его призыв к сопротивлению агрессии – пустой лозунг, фактически поддерживающий пропаганду Геббельса в отношении «неимущих» наций. Не менее жёстко выступил и знаменитый британский историк и дипломат Арнольд Тойнби (1889-1975). Прочитав книгу Карра, Тойнби заметил, что она оставляет после себя впечатление «морального вакуума и политического тупика» [17, с. 172].

Карр не замедлил с ответом. Вскоре в том же 1939 году появилась книга «Британия. Двадцатилетний кризис: Исследование внешней политики от Версальского договора до начала (Второй мировой – ТАА) Войны», предисловие к которой написал Государственный секретарь Великобритании лорд Галифакс. Карр перестал поддерживать «политику умиротворения», пересмотрел свою оценку деятельности Уинстона Черчилля, признав его правоту в отношении нацистской Германии, которого он сурово критиковал в предшествующей работе. Следует все же заметить, что после окончания Второй мировой войны Карр признал ошибочность своих предвоенных утверждений в отношении Германии. Это явственно ощущалось в новом издании «Двадцатилетнего кризиса» 1946 г.

Оставив за собой последнее слово на том этапе, Карр почти полностью отошел от проблематики теории международных отношений, переключившись на изучение истории СССР. С возрастом он все больше склонялся в сторону «левой» идеологии.

* * *

Начало Второй мировой войны означало кризис идеализма с его мечтами о длительном мире и эффективной Лиге наций. Большинство историков вынуждено было признать, что реалисты выиграли, переориентировав теорию в более практическом направлении. Идеи идеалистов межвоенного периода воспринимались отныне как наивные и не соответствующие реальному миру, своего рода исторический курьёз.

Следует заметить, что все еще нет полного согласия среди исследователей относительно того, в самом ли деле реализм и идеализм – это два типа мышления, которые были необходимы для конструирования внешней политики – традиция, которую можно проследить со времен геополитика Маккиндера в 1919 г., или же они просто два разных типа аргументации, которые, в конечном счете, позволяют прийти к одним и тем же выводам (такой вариант предполагал известный реалист Ганс Моргентау [2]). Тем не менее, это всё-таки еще не были парадигмы в том смысле, как это понимал Томас Кун. Только в 1940-1950-х гг. и уже не в Англии, а в США имело место нечто более или менее близкое к понятию теоретических дебатов по вопросам внешней политики.

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, линия противостояния между «идеалистами» и «реалистами», в сущности, является продолжением дискуссии, пронизывающей всю историю политической мысли Запада, начиная с Фукидида и его противников. Другое дело, что Первые дебаты все же имели место в большей или меньшей степени в рамках теории международных отношений в процессе ее становления, причем длительное время – по существу, среди коллег по одной Кафедре.

Во-вторых, это был преимущественно «английский» период в развитии ТМО. После Второй мировой войны центр теоретико-международных исследований смещается в США.

В-третьих, то, что мы с полным основанием можем назвать Дебатами, по существу, началось только к 1939 г., предшествующий период, по крайней мере, в академической и университетской среде характеризовался доминированием именно либералов-идеалистов.

В-четвертых, это были Дебаты на уровне пересечения нормативных (идеалисты) и эмпирических теорий (реалисты), что создавало определенное напряжение.

Наконец, в-пятых, начало Второй мировой войны означало кризис идеалистской парадиг-

мы с ее мечтами о длительном мире и эффективной Лиге наций по предотвращению конфликтов и организации сотрудничества между народами. Как представлялось, реализм доказал свое превосходство в способности объяснения происходивших событий, благодаря своему акценту на борьбе за силу между суверенными государствами. Большинство историков вынуждено было признать, что реалисты выиграла в Первых дебатах, переориентировав теорию в более практическом и научном направлении. Идеи идеалистов межвоенного периода воспринимались отныне как наивные и не соответствующие реальному миру, своего рода исторический курьез, хотя, разумеется, это совершенно неверно. Именно благодаря идеалистам с их, возможно, наивно-мечтательными идеями возникло международное право и те принципы построения мирового порядка, которые представляются нам сегодня вполне очевидными. Однако сам тезис о победе реализма является доказательством того, что миф о Первых дебатах был создан позднее именно реалистами, стремящимися создать более солидный фундамент для своих взглядов.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 310 с.
2. Ashworth, Lucian M. Of Great Debates and the History of IR: Why the "Great Debate" Story is Wrong // E-International Relations Publishing. 12.02.2014. Режим доступа: www.e-ir-info/2014/02/12/of-great-debates-and-the-history-of-ir (дата обращения: 14.12.2015)
3. Banks, Michael. The Evolution of International Relations Theory // Conflict in World Society: A New Perspective on International Relations. Ed. by Michael Banks. Brighton: Wheatsheaf. 1984. 256 p.
4. Banks, Michael. The Inter-Paradigm Debate // International Relations: A Handbook of Current Theory. Ed. by Light, Margot and A.J.R. Groom. London: Pinter. Pp. 7-26.
5. Bull, Hedley. The Theory of International Politics. 1919-1969 // The Aberystwyth Papers: International Politics. 1919-1969. Ed. By Brian Porter. London: Oxford University Press. 1969. Pp. 30-55.
6. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis: 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. NY: Perennial. 2001. 244 p.
7. Holsti, K.J. The Dividing Discipline. Hegemony and Diversity in International Theory. Boston: Allen and Unwin. 1985. 176 p.
8. International Relations and the First Great Debate. Ed. by Brian C. Schmidt. London: Routledge University Press. 2012. 192 p.
9. Kahler, Miles. Inventing International Relations: International Relations Theory after 1945 // New Thinking in International Relations Theory. Ed. by Doyle, Michael and G. John Ikenberry. Boulder: Westview Press. 1997. Pp. 395-414.
10. Lasswell, Harold D. Politics: Who Gets What, When, and How. NY: Meridian Books. 1958. 264 p.
11. Maghroori, Ray. Introduction: Major Debates in International Relations // Globalism Versus Realism: International Relations' Third Debate. Ed. by Bennet Ramberg. Boulder, CO: Westview Press. 1982. 237 p.
12. Osiander, Andreas. Rereading Early Twentieth-Century IR Theory: Idealism Revisited // International Studies Quarterly. 1998. 42 (3). P. 415. Pp. 409-432.
13. Porter, David. David Davies and the Enforcement of Peace // Thinkers of the Twenty Years' Crises: Inter-War Idealism reassessed. Ed. By Long, Davis and Peter Wilson. Oxford: Clarendon Press. 1995. Pp. 58-78.
14. Quirk, Joel and D. Vigneswaran. The Construction of an Edifice. The Story of a First Great Debate // Review of International Studies. 2005. Vol.31. № 5. Pp. 89-107.
15. Reus-Smit, Christian. A Strange Death of Liberal International Theory // European Journal of International Law. 2001. Vol.12. No. 3. Pp. 573-593.

■ **Мировая политика**

16. Waever, Ole. Still a Discipline After All These Debates// International Relations Theories: Discipline And Diversity. Ed. by Dunne, Tim, Milja and Steve Smith (Eds). Oxford: Oxford University Press. 2013. Pp. 297-318.
17. Wilson, Peter. Carr and his Early Critics: Responses to The Twenty Years Crises,, 1939-1946.// Cox, Michael. (Ed.) E.H. Carr. A Critical Appraisal. London: Palgrave. 2000. Pp.165-197.
18. Wilson, Peter. The Myth of the First Great Debate // Review of International Studies (Special Issue). 1998. Pp. 1-16.

Об авторе

Алексеева Татьяна Александровна – д.ф.н., профессор. заведующая кафедрой политической теории МГИМО, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: Ataleks@mail.ru.

**THE CREATION OF MYTH: STARTING THE FIRST "GREAT DEBATE"
IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY**

T.A.Alekseeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *From one textbook to another wanders the story about three (sometimes – four) Great debates, which formed the canonical history of the theory of international relations. In reality everything was much more complicated, and the theoretical richness much wider than many times repeated antinomic pairs – realism vs. idealism, traditionalism vs. modernism, rationalism vs. reflectivism The author regards the discussions between different trends of the political thought in the interwar period , which were later called the First “Great Debates”, which, according to the author’s view were pre-paradigm.*

Key words: theory of international relations; idealism; realism; power; League of nations.

References

1. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962. 264 p. (Russ.ed.: Kun T.Struktura nauchnykh revoliutsii. Moscow, ACT Publ., 2009. 310 p.)
2. Ashworth, Lucian M. Of Great Debates and the History of IR: Why the “Great Debate” Story is Wrong. E-International Relations Publishing, 12.02.2014. Available at: www.e-ir-info/2014/02/12/of-great-debates-and-the-history-of-ir (accessed: 14.12.2015)
3. Banks, Michael. The Evolution of International Relations Theory. Conflict in World Society: A New Perspective on International Relations. Ed. by Michael Banks. Brighton: Wheatsheaf. 1984. 256 p.
4. Banks, Michael. The Inter-Paradigm Debate. International Relations: A Handbook of Current Theory. Ed. by Light, Margot and A.J.R. Groom. London: Pinter. Pp. 7-26.
5. Bull, Hedley. The Theory of International Politics. 1919-1969. The Aberystwyth Papers: International Politics. 1919-1969. Ed. By Brian Porter. London: Oxford University Press. 1969. Pp. 30-55.
6. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis: 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. NY: Perennial. 2001. 244 p.
7. Holsti, K.J. The Dividing Discipline. Hegemony and Diversity in International Theory. Boston: Allen and Unwin. 1985. 176 p.
8. International Relations and the First Great Debate. Ed. by Brian C. Schmidt. London: Routledge University Press. 2012. 192 p.
9. Kahler, Miles. Inventing International Relations: International Relations Theory after 1945. New Thinking in International Relations Theory. Ed.by Doyle, Michael and G.John Ikenberry. Boulder: Westview Press. 1997. Pp. 395-414.
10. Lasswell, Harold D. Politics: Who Gets What, When, and How. NY: Meridian Books. 1958. 264 p.
11. Maghroori, Ray. Introduction: Major Debates in International Relations. Globalism Versus Realism: International Relations' Third Debate. Ed. by Bennet Ramberg. Boulder, CO: Westview Press. 1982. 237 p.
12. Osiander, Andreas. Rereading Early Twentieth-Century IR Theory: Idealism Revisited. International Studies Quarterly, 1998, no. 42 (3), pp. 409-432.

13. Porter, David. David Davies and the Enforcement of Peace. Thinkers of the Twenty Years' Crises: Inter-War Idealism reassessed. Ed. by Long, Davis and Peter Wilson. Oxford: Clarendon Press. 1995. Pp. 58-78.
14. Quirk, Joel and D. Vigneswaran. The Construction of an Edifice. The Story of a First Great Debate. Review of International Studies, 2005, vol. 31, no. 5, pp. 89-107.
15. Reus-Smit, Christian. A Strange Death of Liberal International Theory. European Journal of International Law, 2001, vol.12, no. 3, pp. 573-593.
16. Waever, Ole. Still a Discipline After All These Debates. International Relations Theories: Discipline And Diversity. Ed. by Dunne, Tim, Milja and Steve Smith. Oxford: Oxford University Press. 2013. Pp. 297-318.
17. Wilson, Peter. Carr and his Early Critics: Responses to The Twenty Years Crises, 1939-1946. E.H. Carr. A Critical Appraisal. Ed. by M. Cox. London: Palgrave. 2000. Pp.165-197.
18. Wilson, Peter. The Myth of the First Great Debate. Review of International Studies (Special Issue), 1998, pp. 1-16.

About the author

Alekseeva Tatiana Aleksandrovna – phd (Philosophy Sciences), Professor. Head of Department of political theory at MGIMO-University, Honored Scientist RF. E-mail: Ataleks@mail.ru.